

A man in a grey t-shirt and dark pants is walking away from the camera down a narrow, stone-paved path. The path is flanked by lush greenery and stone walls. In the background, a large, ornate church with a prominent dome and a tall bell tower stands on a hill. The city below is densely packed with buildings, and the sky is blue with scattered white clouds.

Роман Круг

Аферист

Роман Крут Аферист

<https://litres.ru/73533166>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все началось еще в Израиле, когда после двухлетнего заключения его выпустили на свободу. После тюрьмы он не стал интровертнее чем был до этого, хотя, ко многим вещам сделался более безразличен; к людям равнодушной, другими словами взял оттуда все, что там варится и сервируется, преподносится и накладывается; что-то проглотил, а что-то сплюнул...

Роман Крут

Аферист

Все началось еще в Израиле, когда после двухлетнего заключения его выпустили на свободу. После тюрьмы он не стал интровертнее чем был до этого, хотя, ко многим вещам сделался более безразличен; к людям равнодушной, другими словами взял оттуда все, что там варится и сервируется, преподносится и накладывается; что-то проглотил, а что-то сплюнул. В общем эти два года, которые он там провел, за сутенерство, не повредили его внутреннему миру, сделав его в какой то мере даже богаче. Он не утратил там ни любви к жизни – даже наоборот, ни желания жить красиво, как он привык, ни энтузиазма ко всем аферам, которые с легкостью можно повернуть в ущерб государству. Государство любой страны считалось для него самым главным врагом, с которым он вел сознательную борьбу, пытаясь всяческим образом нанести ему, пусть и незначительный, но ущерб. Он полагал, что государство занимается всеобщим и всенародным обманом и обдираловом, и почему бы при малейшей возможности не ободрать и его. Короче говоря все противозаконное было ему не чужда. Круг его друзей, соответственно, составляли такие же как и он сам – вольнодумцы. Он был человеком особого склада ума, поступков и желаний, не всегда нравящихся окружающим и, идущими вразрез с массовым

мнением, с которым он никогда не считался. “Эгоизм, – как говорил он, – это самый показательный фактор себялюбия! А если человек знает, как любить себя, по настоящему, тогда он точно знает, как нужно жить!”

Щуря глаза от утреннего мартовского солнца, он стоял у ворот и радовался ему как ребенок, выбежавший в теплый весенний день поиграть с друзьями во двор. Его мысли всегда быстро двигалась в шальной голове, от этого, в расторопности ему было не занимать. На нем была джинсовая куртка, белая футболка и потертые, практически до дыр джинсы; кроссовки тоже были не первой свежести.

– М-да... – проговаривал вслух Алексей, стоя по другую сторону ворот, – два года в этом кемпинге пролетели, как две недели... Даже тюрьмой, это кефирное заведение, трудно назвать. “Сказать, что я что-то потерял за эти два года?... нет, ничего я не потерял, и даже время!” – подбадривал он сам себя.

“Все мои вещи и израильский паспорт, который мне выдали благодаря моей бабушке, царствие ей небесное, находились у моего приятеля Жорика, так что двинемся напрямик к нему.” – подумал Алексей и в приподнятом настроении двинулся к автобусной остановке. Ему было тридцать лет, пять из которых он провел в Израиле, а точнее, в его сердце – Иерусалиме, куда ещё в 80-х годах выехала из Одессы его “любимая” бабушка, о которой он вспомнил только тогда,

когда ему, для своих махинаций, понадобился другой паспорт. Бабушка умерла через неделю после того, как Алексей попал за решетку: может не выдержало сердце такого позора, а может и от возраста, ведь ей было уже восемьдесят два года. “Дай бог каждому так прожить”, часто иронизировал Алексей. Все ее имущество досталось его младшему брату, Антону, который проживал с ней с раннего детства, оставленный их отцом, ее сыном, когда Антону исполнилось всего лишь пять лет. Она в нем души не чаяла. При разводе, Алексей остался жить в Одессе со своей матерью, которая с раннего утра и до позднего вечера пропадала на привозе, работая там реализатором, а Антона забрал отец. Алексей, всегда был не удел; он рос, можно сказать – сам по себе и всегда считался упрямым беспризорником. В школе он появлялся редко, проводя все свое время с друзьями, бегая по улицам и подворотням, подворовывая у зевак и приезжих отдыхающих, а также покупая и перепродавая разную мелочь. У матери времени им заниматься никогда не было. Бабушка знала об этом, от этого, когда он приехал, заявив с порога о том, что ему необходим паспорт, она не скрывая своих симпатий к его младшему брату, дала знать, что с паспортом поможет, а вот имущества ему не видать, как своих ушей. На что Алексей ей ответил, что уши ему видны, и очень даже отчетливо, нужно всего лишь посмотреть в зеркало... Но наследство, как он не фантазировал – квартира в центре Иерусалима или, хотя бы часть ее, – он так и

не получил. После окончания школы, мать благодаря своим связям, как в школе так и в других высших учебных заведениях, устроила Алексея в Одесский Национальный Экономический Университет, сказав при этом: “Здесь ты хотя бы деньги научишься считать”. Три года он старался и даже получал стипендию, но за попытку нападения на инкосаторов был отчислен, и снова, только благодаря знакомствам матери, избежал тюремного заключения. С братом они были не очень близки и общались крайне редко, только по большой нужде. У Антона его жизненный путь протекал иначе. Он отучился в колледже, отслужил в израильской армии, и работал, по вечерам, барменом в небольшом ресторане. Их отец, после того как привез своей матери, в Израиль, Антона, второй раз женился и уехал жить в Москву, не желая ни с кем из своего бывшего семейства, поддерживать какие бы то ни было отношения. По словам Алексея, их отец был ленив, и имел пристрастие к алкоголю и марихуане, а также, время от времени, приторговывал разной наркотой. Выглядел Алексей всегда уверенно и самодовольно. Был он чуть выше среднего роста, коренастого телосложения, хотя спорт, помимо детских развлечений, никогда не присутствовал в его жизни. Его щеки, от частого курения, выглядели впалыми, нос ровным, а открытые карие глаза, выражали любопытство и безразличие одновременно; густые темно-каштановые волосы, шапкой лежавшие на его большой широколобой голове, значительно выросли за два года, от этого, он зачесывал

их назад и мог с легкостью завязывать сзади косичку, что он и делал, время от времени. Он обожал свои волосы, и в его частую привычку входило теревить и расчесывать их своей же пятерней, медленно пропуская между пальцев, слегка наклонив голову на правый бок. Человеком он был своенравным, и если видел выгоду и смысл в общении, то мог слушать часами и быть тактичным и внимательным, если же его ничего не могло заинтересовать, он сразу же разворачивался и уходил, не обращая внимания на реакцию собеседника.

Выйдя из автобуса, он шагал к своему другу и бывшему подельнику Жорику Брамсу, который проживал на северо-востоке Иерусалима, в районе Писгат-Зеэв.

– Жорик, открывай это я! – громко сказал Алексей, постучав кулаком в дверь.

– Зачем так кричать?... мы же не в Одессе, – ответил Жорик открывая дверь, – Я прекрасно слышу, шо это ты. Дверь открыл полный лысоватый мужчина с флегматичной и хитрой физиономией, с виду неполных сорока лет. На нем были старые заношенные джинсы, тапочки и черная слегка мятая футболка.

– Так и знал, шо ты придешь сначала ко мне... – расплылся в улыбке Жорик и обнял своего старого Одесского друга.

– Конечно к тебе, к кому же еще?! Алексей вопросительно, из под бровей, как он часто это делал, посмотрел на него.

– Ну, не знаю... – лукаво посмотрел Жорик. – Почему бы

не к ней?..

– Неет!.. – с ухмылкой протянул Алексей, – Там все кончено. – сказал он и сев на табурет в кухне, где ничего не было кроме стола, трех табуреток, электрической плитки и старого холодильника, – закурил. Жорик жил в двухкомнатной полупустой квартире, очень скромно, на тот случай, если за ним рано или поздно придут. Всем своим видом он намеренно создавал впечатления очень бедного, можно даже сказать нищего человека, стараясь не выделяться. Алексея это раздражало. Он рассуждал так: “Если есть деньги – живи! А если не умеешь жить, работай не покладая рук, так как жить, ты все равно уже не сможешь!”

– Она мне писала, – продолжил Алексей, – приходила несколько раз, но на письма я не отвечал, а на свидания был безразличен. Мы слишком плохо расстались, у меня остался плохой осадок: частые недопонимания, ссоры по пустякам, в общем постоянный головняк... – нахрена мне это надо!.. Алексей прикурил следующую сигарету. Курил он много. – Мы прожили с ней вместе полтора года, и, если первый год был полон любви и обоюдности, то остальные шесть месяцев мы выясняли кто прав, кто виноват... и виноватым оказывался, конечно же я, чтобы я не сделал. Поэтому в тюрьме, после нескольких месяцев тишины и спокойствия, я понял, что не хочу больше никаких отношений. Понимаешь?!

– Ты мне будешь рассказывать... – хмыкнул Жорик. – Я уже пять лет как живу один, ты же знаешь, и ни о чем не жа-

лею. – тяжело и лениво проговорил Жорик, продолжая смотреть на друга и улыбаться. Они жили в одном дворе, в Одессе. И так как Жорик был на восемь лет старше своего друга, мать Алексея, все время просила за ним приглядывать. От этого Алексей относился к нему, как к старшему брату, и Жорику это нравилось. Алексей по братски любил его, а вот Жорик, больше чувствовал ответственность привитую еще с юности, да и любовь тоже; и конечно же он долгое время не находил себе места, после ареста Алексея, где-то вина в этом происшествии и себя. Ведь это он втянул его в свой нелегальный бизнес. Просто Жорик делал все тихо, и, можно даже сказать – скромно, пытаясь нигде не высовываться, и если надо, то лечь на дно, в нужном месте и в нужное время, таков был его темперамент; а вот Алексей, был совсем другой, – он решил объять необъятное, выставляя свои точки с путанами в соседних районах, за что и поплатился.

– Ты совсем не изменился за два года, – сказал Жорик, – ну, может похудел слегка...

– Ты тоже, толстяк, – тут же ответил Алексей, – совсем не изменился, и, по моему слегка поправился? – они рассмеялись.

– Хочешь кофе, а может шо нибудь поесть?.. – заботливо поинтересовался Жорик.

– Нет, спасибо. Ничего не хочу. Выдай мне мои вещи и деньги, – торопился Алексей.

– Куда пойдешь? – тут же поинтересовался толстяк и взял

со стола сигарету красного Marlboro, которые курил Алексей.

— Проведу пару дней в хорошем отеле, не хочу у тебя торчать, сам понимаешь... — Алексею не нравилась чересчур спокойная, умеренная, скучная и ужимистая жизнь его старого друга, — Тем более, что мне еще нужно кое что сделать... а потом в Европу! Есть кое какая информация об Ирландии, но пока не хочу заранее говорить, нужно все перепроверить... Могу сказать пока только то, что из всего тюремного сброда, мне все же повезло встретить парочку дельных людей, которые не скупились на разного рода информацию. Осталось дело за малым — ее реализовать. Голос Алексея звучал баритоном, с легкой, присущей ему хрипотцой и вечным сарказмом в голосе. — А здесь дружище мне все надоело. Ты не сердись толстяк, я знаю, как ты любишь Израиль и считаешь его вторым, а может даже и первым домом, но для меня — это болото, которое затягивает, как трясина, и чем дольше сидишь тем глубже погружаешься; к тому же эта сухость и каменные джунгли... Нет, не по мне это. Да и народец ни к черту... Я поеду навещу нашего общего знакомого, Давида, он давно уже зовет меня в гости, в Барселону! да и тебя он тоже зовет, и уже не первый год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.